

Глава 3 : Идентичность и Возвращение домой

- Учиха Обито."

Обито неохотно перевел взгляд на человека, который обратился к нему. Учиха Фугаку выглядел настолько, насколько его помнил сам Обито: суровым и сдержанным шиноби

- Учиха-сама. Его голос прозвучал тихо и слегка надломился, но его все же удалось услышать.

Обито уставился на него, старательно не замечая ничего вокруг, и тот, в свою очередь, получил столь же бесстрастный взгляд. В то время как Обито просто смотрел на Фугаку из-за отсутствия лучшей альтернативы, он знал, что человек перед ним оценивал его. Он на мгновение задумался, много ли знает Фугаку и не заставит ли недавнее развитие событий клан Учиха.

Пришел ли Фугаку за его головой или "вернуть в семью", он не знал, но предпочитал второе. По крайней мере, тогда он сможет защитить себя и получить повод для отказа.

Только когда Минато нервно кашлянул, Фугаку, казалось, вспомнил, зачем пришел, и открыл рот, чтобы заговорить. - Я слышал, что ты смог пробудить Мангёкью Шаринган."

Ах. Так вот как много он знал. Обито перевел взгляд на Минато, который виновато улыбнулся. Он не мог винить этого человека за уведомление Фугаку, так как его знания о клане додзюцу были минимальны в лучшем случае. Это был способ работы Учихи - они сводили к минимуму публичное знание додзюцу в надежде сохранить атмосферу тайны их силы среди врагов. Минато мог бы просто отправить Обито в клан и позволить старейшинам делать с ним все, что они пожелают, но тот факт, что мужчина вместо этого решил доверить "интересную информацию" другу, который не просто так оказался главой клана, говорил о характере и заботе его сенсея.

"Да я пробудил Мангёкью. Обито ответил прямо, не желая вдаваться в подробности. Он заметил, что брови старшего Учихи заметно дернулись.

- ...Когда ты активировал Шаринган и как смог пробудить Мангёкью Шаринган? Глаза Фугаку сузились. - Ты вероятно не знаешь, но единственный способ пробудить—"

-Я знаю, как смог пробудить Мангёкью, Учиха-сама. Двое взрослых застыли, но Обито не обратил на это внимания. - Полагаю, это было постепенно. У меня были... Мечты, о том, чтобы оказаться в определенных ситуациях. Ситуации, которые не угрожали жизни граждан, клана и моей команды. Я думаю, что Мангёкью пробудилось недавно, когда мне приснился кошмар где, все близкие мне люди умирают."

Глава клана скрестил руки на груди и уставился на Обито. - Мангёкью не могут быть

пробуждены таким образом. Простого сна было бы недостаточно, чтобы пробудить его, и если бы ты знал хотя бы половину того, что утверждаешь, то знал бы это."

Обито продолжал смотреть в пустоту. - Учиха-сама, Шаринган-это не волшебство. Это активация не стимулируется смертью или жертвой людей. Это эмоциональная и психическая травма, вызванная тем, что испытывает хозяин додзюцу. Он сел на кровать, скрестив ноги, лицом к мужчине. - Мои сны были сверхъестественно реальны, даже больше, чем осознанные сны. Наверное, так Я активировал Шаринган."

Фугаку хотел возразить, но Обито поднял руку и бросил на него нетерпеливый взгляд. Его рот закрылся с громким щелчком, и он уставился на мальчика—то ли от унижения, что его заставили замолчать, то ли от шока из-за того, что он действительно повинился, хотя это осталось незамеченным. - А как еще ты объяснишь? У меня такие глаза, полностью созревшие. Я не убивал никого из близких мне людей и не был свидетелем смерти тех, кто мне дорог. Вы, наверное, знаете это. Честно говоря, я думаю, что оно имеет смысл, хотя бы потому, что другого объяснения просто нет."

Обито знал, что он в высшей степени ВЕШАЕТ ЛАПШУ НА УШИ ГЛАВЕ КЛАНА УЧИХА!!! Даже при том, что активация Шарингана действительно была вызвана психической травмой, сна никогда не будет достаточно, чтобы активировать его. Годы исследований уже доказали это; ментальные барьеры ума не позволят такому кошмарному принять форму в уме, скорее всего, он пробудит хозяина, прежде чем достигнет пика. Но никто в клане Учиха этого не знает-если только они не обратились за помощью к Яманаке, но на этот раз Обито был благодарен за непрестанную гордость, за которую цеплялся клан Учиха. Это означало, что они никогда не обратятся за помощью к другому благородному клану, особенно в отношении их знаменитого додзюцу.

"... Несмотря на это, - Фугаку потер переносицу и сказал раздраженным тоном. Обито знал, что, даже если ни один из взрослых не поверит его лжи, он, по крайней мере, дал понять, что другого объяснения нет. По крайней мере, это не походило на фантастические размышления бредящего ребенка. - Факт остается фактом: Ты активировали шаринган и довели его до полной зрелости. Клан захочет знать как, и я сомневаюсь, что они примут такой ответ от кого-то, у кого, предположительно, не было его, неделю назад."

Глаза Обито слегка расширились, но не настолько, чтобы быть замеченными. Фугаку ... он говорил так, словно разговаривает с равным. Он говорил не как глава клана или как начальник, а как человек равного положения. Возможно, потому, что он был в присутствии Минато, но доверие, которое, казалось, проявлял Фугаку, не осталось незамеченным "физически-молодым" Учихой.

- ...Я понимаю, - начал Обито, настороженно наблюдая за реакцией своего сэнсэя и главы клана, - но я хочу напомнить вам, что именно клан бросил меня, а не наоборот. У меня нет намерения возвращаться просто потому, что у меня продвинутый уровень шарингана, и поэтому я внезапно обрел ценность."

Легкая, почти незаметная морщинка появилась на лице Фугаку, прежде чем исчезнуть. Он

повернулся к Минато—до этого момента он был тихим свидетелем—и тот слегка вздрогнул от внезапного внимания. - Минато, ты можешь оставить нас? Я прошу прощения, но я считаю, что то, что сейчас будет сказано, лучше держать в пределах клана Учиха."

Минато пробормотал "хорошо", затем кивнул и вышел из комнаты. Когда его источник чакры оказался в направлении других комнат, Фугаку прочистил горло. - На что ты надеешься?"

Обито снова удивился, но на этот раз не показал этого внешне. Возможно, отец Итачи тоже не был коррумпированным человеком и просто соглашался с тем, чего хотели старейшины?

Решив, что сейчас не лучшее время для изучения причин будущих прошлых действий Фугаку, он решил отложить эту тему в сторону для дальнейших размышлений. - Я хочу сохранить свой статус "паршивой овцы" клана. Я вообще не хочу быть привязанной к клану. У меня тоже нет намерений реинтегрироваться. -Я просто хочу, чтобы меня оставили в покое, подальше от этих жаждущих власти старых маразматиков."

Фугаку фыркнул, слегка ухмыльнувшись. При этой реакции Обито улыбнулся. Казалось, даже сам глава клана не слишком высокого мнения о старейшинах клана, и, честно говоря, это было приятно знать. - У меня есть предложение."

Обито снова принял бесстрастный вид. - Предложение?"

- Да, - кивнул глава клана. - Боюсь, старейшины уже знают о том, что ты активировали Шаринган—с тремя Томоэ. Однако они еще не знают о Мангёкью."

Обито кивнул. Ожидалось, что они узнают о том, что он активировал Шаринган—когда дело доходило до их глаз, клан обращал на это особое внимание—но его Мангёкью также должен был быть известен. - Как я понимаю, я должен поблагодарить вас за это, Учиха-сама."

Как ни странно, Фугаку покачал головой. "Нет. Минато пришел ко мне после инцидента в больнице и попросил меня об аудиенции. Именно по его просьбе зрелость твоих глаз не была разглашена."

Обито дернулся. Он уже знал, к чему клонит этот человек. - Понятно. Вы будете держать эту информацию в секрете, но только в обмен на что-то другое. Что именно вы хотите взамен?- У него не было денег. У него не было никаких связей, кроме Минато. Он ничего не мог предложить.—

- Я хочу, чтобы ты обучил моего сына."

Обито моргнул.

... Ну, это имело смысл в некотором смысле; он проявил некоторый уровень мастерства,

управляя своим додзюцу но ... сын Фугаку? Очевидно, он имел в виду Итачи. Но если он правильно помнил, Итачи было ... что, два года? Три? Не говоря уже о том, что это несло плохое клеймо для будущего наследника клана, который будет обучен "паршивой овцой" указанного клана. - Учиха Итачи, правильно?"

Фугаку кивнул, и Обито недоверчиво посмотрел на него. - Итачи три года, - невозмутимо произнес он, будь прокляты формальности, - Он наследник клана и, как таковой, будущее клана. Я "паршивая овца". Думаю, вы знаете, к чему я клоню."

- Предложение остается в силе, но ненадолго. Это твое решение, - прямо ответил Фугаку.

"Я принимаю, я просто хочу знать, почему я ? Обито невесело усмехнулся. Похоже, в последнее время он часто задавался этим вопросом. - Для вашего сына всегда будут учителя получше. Почему я?"

- "Почему" не имеет значения. С этими словами Фугаку повернулся и начал выходить из комнаты, но остановился на пороге. "...Очевидно, ты не начнешь немедленно. Я приду к тебе, когда посчитаю нужным, чтобы его обучение началось."

Когда он вышел из комнаты, Обито крикнул: "я бы все равно обучил его!- И это было правдой. Итачи был одним из немногих членов Учихи, которых он признавал и уважал; Обито не испытывал угрызений совести, проводя время с молодым вундеркиндом. Фактически, мальчик мог оказаться ценным ресурсом против таких людей, как Мадара, Зецу и Орочимару. То есть, если все они не были мертвы к тому времени, когда Итачи станет достаточно взрослым для битвы.

Когда он почувствовал, что источник чакры Фугаку остановилась рядом с Минато, он активировал свой Камуи, чтобы подслушать их разговор. Его контроль над техникой Камуи которую он использовал большую часть своей жизни был абсолютным. Искривить пространства, чтобы направить их голоса к нему не было чем-то трудным, не тогда, когда он был мастером использования техники даже в пылу битвы против врагов S-ранга. Кроме того, они разговаривали о нем, и он чувствовал, что имеет право знать.

- Фугаку?- Голос Минато был спокоен, но в нем слышалось беспокойство. - Что случилось? О чем вы говорили?"

Вздых. - Он хочет остаться независимым от клана. Я не могу винить его за это."

- В таком случае, - Обито практически услышал усмешку в голосе своего сенсея. - Позволь мне присмотреть за ним. Я уже говорил об этом с Хокаге-сама, и он сказал, что все в порядке, пока я получаю согласие клана Учиха."

- Минато ... - последовала пауза, и Фугаку снова вздохнул. - ...Я сделаю все возможное, чтобы держать старейшин клана в стороне, но я ничего не обещаю. Уверю тебя, им это не

понравится."

- Все в порядке, в конце концов, я более чем способен защититься от парочки озлобленных стариков."

Глава клана издал разочарованный стон, и Минато усмехнулся. "Вопрос о мангёкью ребенка останется секретом среди вашей команды и тобой. Убедитесь, что твои ученики держат это в тайне, поскольку я сомневаюсь, что в результате афиширования, если это станет публично известно, будет хорошо."

"Хорошо."

Их голоса отфильтровывались, и последнее, что услышал Обито, было короткое "до свидания", прежде чем звук включенного дверного замка насторожил его в конце разговора. Он отменил Камуи и перестал напивать глаза чакрой, деактивировав шаринган.

- Обито?"

Он бросил взгляд на медленно открывающуюся дверь, за которой стоял Минато с застенчивой улыбкой на лице. Обито ничего не мог с собой поделать, но его глаза были прикованы к Минато, следя за каждым движением, за каждым изменением выражения лица. Прошло много лет с тех пор, как он видел этого человека—живого и здорового, то есть, не Эдо Тенсея,—и одним из последних воспоминаний о нем было холодное выражение, которое он носил, когда они сражались в ночь рождения Наруто.

- Э-э... - Минато почесал затылок, и Обито понял, что его пристальный взгляд, возможно, был более чем немного нервирующим. - Поскольку ты собираешься пожить здесь какое-то время, тебе, вероятно, понадобится новая одежда. Как я уже говорил в прошлый раз, ничего, кроме фотографии, не удалось восстановить.— при тревожном взгляде Обито Минато быстро добавил: —которая вон там, на тумбочке."

Он указал на тумбочку, и Обито проследил за его взглядом, только чтобы вздохнуть с облегчением при виде фотографии. Она была помещена в новую раму, из простой березы, но это не имело для него никакого значения.

Однако его внимание снова было приковано к Минато, когда он схватил Обито за руку и положил что-то ему на ладонь. Когда мужчина убрал руку, Обито обнаружил, что смотрит на ярко-зеленый пухлый бумажник в форме лягушки. Он мысленно отметил, что это был бумажник, который очень... напоминал тот который был у Наруто.

- Мы должны сходить за покупками, ты чувствуешь себя достаточно хорошо, чтобы передвигаться?"

Для проверки Обито вытянул ноющие ноги за край кровати и перекатил плечи. Его кожа все еще немного болела, но, насколько он знал, не было никаких повреждений мышц или костей, так что он был в порядке. Он встал и прошел мимо Минато, прежде чем заговорить тихим голосом. - ...Минато-сенсей, не могли бы вы ... не могли бы вы оставить меня ненадолго в покое? Я вернусь до заката, я просто хочу немного побыть один."

Если Минато и был встревожен, он хорошо это скрывал. Судя по тому, что он видел краем глаза, выражение лица Минато не сильно изменилось—он только выглядел несколько удрученным—и только малейшее колебание чакры указывало на беспокойство, которое человек почувствовал при его заявлении.

Минато вздохнул. - Хорошо. Только не делай ничего безрассудного. Пожалуйста."

Обито кивнул, прежде чем отвернуться. - Извините ... Сенсей. Мне просто нужно немного времени для того чтобы придти в себя, а потом я вернусь в норму.- После того, как он немного соберется, он сможет надеть ту веселую маску, к которой привык. Сейчас он был слишком растерян и какое-то время побыть одиночестве это именно то, что ему нужно.

Не говоря больше ни слова, он вышел из комнаты и направился в более оживленные районы Конохи.

Когда Обито шел по знакомой улице, он съезжился от увиденного. Это было слишком знакомо, и почти сразу же вспыхнула внутренняя борьба.

Когда он был ребенком, он всегда относился к старшим—пожилым старшим—с уважением. Он всегда старался изо всех сил, чтобы помочь им. В частности, была одна женщина—"Хана-оба-чан", с которой Обито имел отношения между бабушкой и внуком. Всякий раз, когда они пересекались, мальчик помогал ей, то ли таскал продукты, то ли помогал поливать растения в горшках, то ли доставал что-то из самого высокого шкафа, то ли отвозил в больницу, потому что у нее случился внезапный приступ артрита.

Как бы то ни было, Обито всегда был рядом, чтобы помочь ей. Черт возьми, иногда ей даже не нужно было ничего говорить; для него стало настолько привычным помогать ей, что он просто действовал инстинктивно. Чаще всего этот инстинкт оказывался верным.

Так, сейчас Обито 31-летнего возраста, который застрял в своем двенадцатилетнем теле, уставился на женщину. Женщина, которая в данный момент лежала на земле в положении лежа лицом в сторону с закрытыми от боли глазами. Первым его побуждением было отвернуться и идти дальше. Игнорировать бедственное положение женщины и двигаться дальше. В конце концов, у него были и свои проблемы, и он не сделал бы ничего плохого, чем раньше.

Ведь однажды он уже видел, как она умирает.

Хоть он этого не видел но знал, что она умерла во время нападения Кьюби. Она, очевидно, была одной из многих несчастных душ, которые были раздавлены зверем контролируемым Мангёкью. Ярость. Обито не осознавал, что она умерла, пока однажды, во время его обычных осмотров деревни и посещений могилы Рин, он не прошел мимо дома старухи (точнее останки от дома) и не увидел красные паучьи лилии. Отсутствие жизни в окрестностях, наряду с довольно очевидными цветами, было достаточно, чтобы уведомить его о ее смерти.

И снова женщина умирала. Обито вспомнил этот случай, ясный, как день. Тогда он был на миссии-но не в этот раз, по очевидным причинам—и хотя он устал до костей(очень сильно), вид женщины, лежащей на земле, возможно, умирающей, вывел его из какого-то изнеможения, вызванного оцепенением, чтобы схватить ее и отвезти в больницу.

Но это было то, кем он был раньше. Обито уже не был тем добрым мальчиком из детства... он просто не был им . Он не был беззаботным идиотом, который любит болтать. Он был человеком, который смотрел на ценность жизни и не думал о ней, он был человеком, который когда-то отвергал жизнь того, кого когда-то считал дороже всего, и все это ради глупого стремления жить в мире иллюзий. Узы, которые были у младшего Обито, теперь не принадлежали ему, потому что он сам разрушил их. И он не был уверен, что ему нравится идея возобновить жизнь и сохранить эти узы, не тогда, когда он их не заслужил.

- ...Обито-кун? .. "

Он вырвался из своих мыслей и уставился на источник голоса, широко раскрыв глаза. Глаза Ханы все еще были закрыты, но ее рука слегка двигалась, словно пытаясь найти его. Обито стиснул зубы. Он не мог, не мог? Он уже не тот. Он просто не был. Он не был связан с этой женщиной, и хотя она думала, что знает его, она ничего не знала.

Рука Ханы потянулась в его сторону, и ее лицо исказилось от мучительной боли, углубляя и без того морщинистую внешность. - Обито-кун... Это ты? Она, казалось, подтвердила его присутствие, и даже сквозь острую боль, которую причинило ей ее состояние, легкая улыбка появилась на ее лице . Он чувствовал, как тает его сердце.

Да ПОШЛО ВСЕ К ЧЕРТУ!

Обито подбежал к ней и осторожно поднял ее, уложив на спину, как поросенка. Он проигнорировал удивленный вздох женщины, сосредоточившись на том, чтобы не причинить ей еще больше боли и доставить ее в больницу.

Он стоял у больничной койки, тупо глядя на бесчувственное тело женщины перед ним. Обито умудрился втащить Хану в больницу, и как раз вовремя, поскольку стресс начал отключать ее физические функции. Еще немного, и она была бы убита—в буквальном смысле—болью и стрессом.

Он нахмурился. Когда он впервые узнал, что Хана умерла, и от его руки не осталось ни угрызений совести, ни вины. Он предположил, что это часть великой иллюзии, которую он

создал, эмоциональный барьер, который он построил, чтобы не разрушить себя. Это обещание "нового мира" было всем, что у него было, и он цеплялся за него в какой-то момент. Тот момент, когда он был Тоби."

Молодой Учиха вздохнул и вышел из комнаты.

Тогда он сейчас Учиха Обито... но тоже нет. Конечно, после его конфронтации с Наруто, он признал, что он действительно был Учиха Обито, благодаря неустанному пылу мальчика по этому вопросу. Это был долгий процесс; слова Наруто, ярость Обито против его требований, Наруто буквально выбивал из него заблуждения, и он все же отказался. Когда он наконец сдался, то почувствовал себя свободным и раскрепощенным, чувство, которого не испытывал уже много лет.

Да, он был Учиха Обито, и он давно смирился с этим фактом. Даже с именем Учиха-ярлыком того, что он связан с этим кланом—он просто не был собой без него, он не был полным. Как ни отвратительно было признавать это, "Учиха" был его частью. Когда он "умер" и обратился к запутанному плану Мадары, имя потеряло смысл—Учиха Обито умер, оставив только "Тоби", тень. Без Рин, живущей в том страдающем мире. Наруто придал его имени новое значение, и в этом Обито мог признаться. Он многим обязан Наруто не только за то, что нашел его в темноте, но и вывел из нее.

Но все равно, было сложно, что клан Учиха жив... вместе с командой №7.

Он был самим собой, названным Учиха Обито, но не тем, кого они знали. Значение, которое Наруто дал этому имени, здесь не имело смысла, не для людей, которые не знали того Обито—кто причинил столько боли миру .

Тогда было легче, когда он назывался Тоби.- Не было никакой фамилии, которая могла бы приковать его, стать его собственностью, и это имя, несомненно, принадлежало ему . Он был свободен, как Тоби. "Фальшивое счастье " и легкомыслие на самом деле не были такими фальшивыми, как некоторые люди думали, когда узнали о его плане, узнали, что он "Мадара".- Нет, он действительно был счастлив как Тоби, даже если это было вынужденное и искусственное счастье, вызванное иллюзорным обещанием нового мира, второго шанса.

Впрочем, неудивительно, что он смог довольствоваться дешевой копией счастья. Когда-то он был готов отказаться от мира и обменять его на какую-то подделку, которая соответствовала его прихотям и желаниям. Согласиться на фальшивое счастье тоже не было такой уж надуманной идеей, когда кто-то был готов жить во всем мире фальшивых копий и неосязаемых желаний.

Тоби было имя, к которому он привык, это было и спасением, и ярлыком его грехов. Свидетельство его прошлого, его грехов и его наказания. Он был Учиха Обито, благодаря Наруто. Но он всегда будет "Тоби", потому что никогда не сможет вырваться из тьмы, которая выросла, гноилась и стала им. Прозвище прилипло, как проклятие ненависти укоренилось в самой крови Учих.

Обито хрипло рассмеялся. Возможно, именно поэтому он не мог наслаждаться тем, что находится в прошлом. Что он был с Какаши, с Минато, и с Рин . Его молодое "Я" пошло бы по жизни, как обычно. Он бы и глазом не моргнул от такой перемены, он просто сделал бы все, что мог, чтобы убедиться, что Шинигами не претендует ни на кого близких его сердцу людей. С другой стороны, его бредовое "Я", Тоби, тоже смогло бы насладиться этим вторым шансом.

Так почему же он не может?

Было ли это чувство вины? Вина в том, что их Учиха Обито был незапятнан, из-за того, что не совершил грехов? Чувство вины, которое не затронуло Тоби из-за его заблуждений и ложных надежд?

Обито обнаружил, что застрял где-то посередине. Между дерзким, нравственно справедливым и самоуверенным ребенком, не знающим ужасов войны, и измученным войной, сумасшедшим человеком, сломленным душой и разумом, способным найти передышку только в убаюкивающих обещаниях ложного, податливого мира. Эти две стороны были полярными противоположностями, и Обито понял, что его тянут с обеих сторон в запутанной игре перетягивания каната. Игра, которую, независимо от исхода и победителя, он все равно проиграет.

Часть его верила, что мир снов был бы проще. Другая часть верила, что мир снов-это подделка, и что он должен ценить тот факт, что он в прошлом и может изменить все к лучшему. Он верил- но не знает, что делать. Он был смущен и просто хотел, чтобы его оставили в покое.

Обито не хотел смотреть правде в глаза. Он попал в прошлое, но ради чего? Он не был Наруто, он уже прошел и признал это. Он был Обито. Он не заслуживал этого шанса изменить судьбу... и все же он чувствовал, что не заслуживает психологической пытки, которая сопровождала его. Он разрывался между ними и не знал, что и делать.

Он хотел рассмеяться над мучительно ироничным весельем всего этого, но на душе было слишком горько.

Действительно, это была жестокая комбинация. У него были воспоминания и боль Тоби, но эмоциональная хрупкость Учихи Обито. Он не мог позволить себе больше прятаться за заманчивым обещанием фальшивого мира. Он больше не мог отмахиваться от чужих жизней как от мимолетных мыслей, как от мерцающей свечи, которую можно погасить одним движением.

Раньше ему было все равно, как Тоби, но теперь? Он не совсем Тоби. Он не был Учиха Обито, не тот, кого они знали, сейчас он был совершенно другим человеком.

Что-то оранжевое в уголке его глаза остановило его мысли, и внезапно Обито обнаружил, что стоит посреди улицы. Быстро оглядевшись, он понял, что находится в более густонаселенных районах, скорее всего в торговом районе.

- Когда я...- Он ненадолго задумался, прежде чем покачать головой. Он, должно быть, слишком сильно задумался, и ноги несли его. Каким образом он зашел так далеко, глубоко погрузившись в свои мысли, как он не столкнулся ни с кем и ни с чем, оставалось для него загадкой.

Он обратил свое внимание на оранжевый предмет, который вывел его из задумчивости, и ему пришлось сдержать вздох.

Знакомый спиральный узор, ведущий к правому глазу маски. Это был отвратительно яркий оттенок оранжевого, но Обито всегда был неравнодушен к этому цвету. Тем более после встречи с Наруто.

Он сразу же направился к прилавку с принадлежностями, чтобы купить маску. Это был бесполезно сентиментальный жест, но он все равно был вынужден купить эту маску. Странное совпадение, с тем, где были его мысли до того, как он отвлекся на тот самый предмет, который держал в руках. Но так как он покупал что-то в память о своем времени, как "Тоби"...

Его глаза остановились на паре очков—они сильно отличались от его старой пары, так как не было ушных раковин, а полоса была черной-но линза была окрашена в оранжевый цвет. Этого достаточно.

Именно с этими двумя вещами Обито ушел, слегка усмехнувшись, прежде чем направиться в магазин одежды. Поиск нового гардероба был приятным развлечением. Он действительно не хотел снова погружаться в свои всё менее и менее счастливые мысли.

Солнце садилось ближе к вечеру, когда Обито прибыл в причудливую квартиру Минато и Кушины, и прежде чем он успел постучать, дверь распахнулась, открыв вид на довольно измотанного Минато. Они просто смотрели друг на друга; Обито поднял правую руку, словно собираясь постучать, на его лице застыло недоумение. Минато застыл на месте, все еще держа руку на дверной ручке, его рот слегка приоткрылся, а глаза расширились от неуловимого волнения.

Учиха вопросительно поднял бровь. - ...Минато-сенсей?"

Смотря на него сенсей несколько раз моргнул, прежде чем отступить за порог, его действия явно указывали на нервозность. Он издал натянутый смешок. - Ха-ха, прости за это. Я просто был немного удивлен, вот и все."

"Верно", - тихо подумал Обито. Минато явно все еще волновался из-за инцидента в больнице. Несомненно, у него были к нему вопросы.

- Мы можем поговорить? Минато указал на диван в гостиной.

Подозрения подтвердились. Обито пожал плечами и подошел к дивану, чтобы сестра, Минато последовал за ним и сел рядом.

Юный Учича со странным восхищением наблюдал, как его сенсей ерзал он, Намикадзе Минато, проклятая желтая молния и будущий Йондайме Хокаге, ерзал — хватаясь за слова. Наконец Обито решил избавить своего сенсея от страданий.

- Речь идет о попытке самоубийства, верно? - Он расспрашивал, прямо по существу.

Минато заметно вздрогнул, и лицо его побледнело. Обито почувствовал легкий укол вины в сердце, но это была не его вина. Он действительно верил, что находится в гэндзюцу, и для кого-то вроде него желание смерти действительно так далеко от возможности?

Прошло несколько мгновений напряженного молчания, прежде чем Минато испустил страдальческий вздох и провел рукой по непослушным волосам. Он смотрел на Обито непоколебимым взглядом - уже не был он неуклюжим и растерянным "Сисси" (как любила называть его Кушина)— теперь перед ним сидел один из сильнейших джонинов и будущий Хокаге если уж на то пошло.

- ...Обито, я хочу, чтобы ты был полностью честен со мной. Ты хочешь о чем-нибудь поговорить? Обито моргнул. А потом он уставился на своего покойного сенсея с немалым недоверием. Нет, ему не о чем было говорить. Он просто хотел похоронить свои воспоминания и двигаться дальше.

- Позвольте мне перефразировать.- Минато, очевидно, уловил мысли черноволосого мальчика, скорее всего, из-за его взгляда. - Тебе не нужно говорить об этом подробно, но я был бы признателен, если бы ты рассказал мне хотя бы немного о том, что происходит. Я всего лишь твой сенсей, да, но я думаю о седьмой команде как о своей семье. Я хочу, чтобы ты доверял мне."

Обито оказался под пристальным взглядом Минато, и этот взгляд был жутко похож на тот, который был у него в ночь, когда он умер. Учича напрягся, чтобы не отвести взгляд, и вместо этого посмотрел в голубые глаза сэнсэя. Ему пришла в голову мысль, и он чуть не рассмеялся.

"Сэнсэй, - тихо подумал он. Минато действительно был его сэнсэем, но технически этот человек был моложе его. Моложе почти на десять лет. И все же это знание ничего не значило для Обито, не заставляло его смотреть на Минато свысока и воспринимать его как нечто меньшее, чем то, что он знал в детстве. Нет, Минато все еще был той могущественной, мудрой и понимающей фигурой, которую он знал и уважал. Он был точно таким же, как и раньше....

И самое главное, он был перед ним.

Он смутно заметил, что дрожит, но не обратил на это внимания. Вместо этого он посмотрел на руки Минато. - ...Могу я увидеть вашу руку, сенсей?"

Он, казалось, на мгновение заколебался, прежде чем медленно протянуть руку. Юный Учиха схватил его за руку обеими руками, заметив, что его собственные были ребяческими и маленькими по сравнению с ними. Он медленно провел короткими пальцами по складкам руки сэнсэя. В то время как его собственные руки были гладкими и сохраняли видимые признаки детского жира, руки Минато были худыми и мускулистыми, но все же немного тонкими для мужчины. Они были грубыми и мозолистыми, скорее всего, от многих сражений, которые они видели. Его кожа была бледной, но не такой ужасной, как в ту ночь, когда умер этот человек,—она была естественного бледного цвета и излучала тепло и жизнь. Он уже схватил мужчину за руку, но Обито вдруг почувствовал странный страх, что в любой момент тепло исчезнет. Он боялся, что вдруг окажется над трупом мужчины, наблюдая, как кровь сочится из зияющей раны на его животе, а остекленевшие глаза смотрят в темное ночное небо.

Обито даже не заметил, как по его щекам потекли теплые слезы, пока не оказался в крепких объятиях и не пригладил рукой спутанные волосы.

Сколько лет прошло с тех пор, как он делился человеческим теплом? Сколько лет прошло с тех пор, как о нем так заботились, так любили? На этот раз он рассмеялся, хотя это прозвучало скорее как рыдание сквозь слезы. Переполюнявшее его счастье не могло быть выражено иначе. Минато и Наруто действительно были похожи, слишком похожи, от их исцеляющей ауры, их вдохновляющих слов и невысказанного понимания других. Наруто спас его однажды, и теперь Минато спасал его от новой тьмы, которая угрожала поглотить его целиком.

Да, он был в прошлом, да, он считал это наказанием и проклятием, да, он чувствовал себя потерянным, когда очнулся здесь.

Но теперь он знал, что делать.

Он был в прошлом, и то, что ему дали, было вторым шансом. Нет, он не был Наруто, но у него теперь были люди, которых он хотел оберегать. Люди, которые заслужили свою жизнь и счастье, которое их должно сопровождать. Он изменит все, возвысится над землей и будет жить. Это было ужасно важным фактором, если он хотел защитить людей дорогих его сердцу.

Для этого он должен предотвратить некоторые события. Уничтожить определенных людей от использования ключевых игроков на временной шкале, в этой игре, лабиринт, который построила жизнь. Он должен был убить Мадару, и если бы он мог хотя бы это сделать, то с радостью приветствовал бы Шинигами.

Обито крепче сжал Минато и отпустил последний барьер. Годы сдержанных слез, подавленных эмоций и отброшенных желаний, все это вышло, совершенно безудержно.

Сейчас он позволит себе эту передышку. Чувство, что его любят, что он нужен, что он рядом с теми, кого любит. Он позволил бы себе быть самим собой Учихой Обито, а не сумасшедшим мстителем, каким он должен был быть, чтобы уничтожить человека, который держал метафорическую петлю мира.

Прошло много-много лет, и, несмотря на все, что он сделал, он считал, что заслужил это.

"Я дома. Наконец-то, я дома.

П/п:"Сколько бы не перечитывал некоторые главы действительно сжимают сердце, редактировал это всё под грустную музыку. Спасибо за внимание, что обратили на этот перевод свой взор, Буду благодарен за каждый комментарий и за каждое спасибо".

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://tl.rulate.ru/book/28530/1401756>